

— ...Максимовой поначалу многое очень легко давалось. Поэтому нам с ней было не так-то просто. Немало ей пришлось в себе преодолеть...

Говорит сдержанно, даже сухоовато, улыбка ни разу не проскальзывает на ее губах. Никаких громких слов, щедрых оценок, превосходных степеней. Даже как-то неожиданно! Неужели прославленная балерина Екатерина Максимова, народная артистка СССР, завоевавшая немало разных премий и призов, в том числе почетную премию Анны Павловой в Париже, не заслуживает более лестных слов?

И тут же другая мысль: так ведь это же учитель об ученике, мастер — о своем творении!

Я вспоминаю тот вечер. Высокие своды театра, торжественный свет люстр, радостно-сдержанная суэта в партере и ложах... Оказаться в Большом театре — праздник. А тут еще впервые в балете «Ромео и Джульетта» заглавные роли танцуют Максимова и ее муж, народный артист СССР Владимир Васильев. Незадолго до поднятия занавеса я увидел, как среди зрителей возникло какое-то движение, многие обратили лица в одну и ту же сторону. В одной из лож появилась небольшого роста стройная женщина. Ее легко узнавали — Уланова. Сколько раз я видел Уланову на сцене, и вдруг она в зрительном зале! И на этом балете. Ведь это же ее, улановский, балет, она создала на сцене Большого театра свою неповторимую Джульетту, и существовала Джульетта в ее облике много лет подряд. Казалось, что именно для Улановой, только для нее и был создан этот балет.

В тот вечер факел искусства переходил от одного поколения к другому. Не померкнет ли, оказавшись в другой руке? Зал был настороже. А когда спектакль окончился, разразился овацией. Всем стало ясно, что теперь это была уже другая Джульетта, тоже прекрасная, нежная и тоже неповторимая, но уже — максимовская. Факел не погас.

Некоторое время спустя мне снова посчастливилось побывать в Большом. Чествовали Галину Сергеевну Уланову в день тридцатой годовщины ее работы в Большом театре. Уланова сидела в боковой ложе у самой сцены, Максимова и Васильев танцевали для нее отрывок из балета «Ромео и Джульетта», а потом, подойдя к ложе, отдали выдающейся актрисе долгий поклон. Это была благодарность учеников учителю за его труд.

«Тяжелый труд балерины», — говорила Анна Павлова. За кулисами театра меня познакомили с подругой Максимовой — артисткой балета Валентиной Савиной. Она охотно рассказывала о «нашей Кате», с которой знакома с первого класса балетного училища. Говорила об особенностях Катина характера — сдержан-

ность в проявлении чувств, но в то же время простота и естественность в общении с людьми. Естественность — главное в ней и в Васильеве. За это их и любят в театре. Люди с мировыми именами, а для всех в театре — «Катя» и «Володя». Савина показала гримерную Максимовой. На столе крошечные балетные туфли и рядом с ними довольно увесистый молоток. «За чем он тут?» Савина смеется: «Орудие труда балерины! Туфли расколачивают, так, чтобы даже крошечной неровности под ступней не оказалось. Иначе — мучка». И добавляет: «Этот молоток подарила Кате Галина Сергеевна. Вроде как бы символ нашего тяжелого труда».

Труд! Здесь о балете говорят не «искусство», а «труд», наверное, так же «увесисто» рассуждают о своем деле лесорубы и горняки. Мы, сидящие в зале, поглощенные развитием событий на сцене, не задумываемся над тем, что эти люди, будто парящие над сценой, невесомые, как звуки музыки, с которыми водино сливаются движения их тел, сейчас не просто танцуют, озаренные вдохновением, но и работают. Да еще как! Изящество, легкость, красота, невесомость... За всем этим в неразрывном единстве и вдохновении, и талант, и чувство прекрасного, и многолетняя выучка, и тяжелый физический труд.

Мне показали репетицион-

ду, — говорит Савина. — А труд мы с Катей познали рано, с десяти лет. Наши сверстники из соседней школы после занятий по арифметике во двор бегут, а мы насас к станку. В десять лет у нас с Катей окончилось детство».

Я видел альбом фотографий Максимовой в разные годы. Вот Катя совсем малышка. Вот в первом классе обычной школы. Еще один снимок. Будущее определилось: худенькая девочка в балетной пачке делает первые неуверенные шаги. Перебираю фотографии балерины с ее раннего детства до сегодняшних дней — почти каждая вспыхивает повторимой Катиной улыбкой. Эта улыбка почти не меняется с годами — все такая же детски простодушная, искренняя, как бы рожденная в неизменном удивлении перед миром.

Наверное, не только в железной воле к труду, но и в искренности и полноте чувств одна из причин возвышения ее дарования. Трудно назвать необходимые составные компоненты, создающие мастера, но сама Максимова считает, что для нее как для человека и художника не мыслимо ни жизнь, ни творчество без общения с природой. Каждый год в летний отпуск с мужем не на курорты, не на приморские пляжи, не в горные долины — в костромскую глубинку, в Щельково, где жил Островский, в снегурочкины края.

Рассказывая мне о своей

параде, десятка два крепшей-боровиков. «Видали вы такое чудо!» — Катя показала на грибы. «Но почему же ты плачешь?» Она кулаком вытерла слезы: «Не хочется из Щелькова уезжать...» В интервью для «Комсомольской правды» Максимова писала: «Наверное, в жизни самое главное — уметь фиксировать свое внимание не на мелочах, не на теневых сторонах, а на светлом, добром и прекрасном».

Уланова, рассказывая о своей ученице, давала характеристику: «Самобытна, ни под кого не подделывается, в ролях идет от собственного жизненного опыта». И раза два подчеркнула: «Минувшие пятнадцать лет для Максимовой — это непрерывная цепь преодоления огромных трудностей».

Огромных? Немного неожиданно было слышать такое. В эту минуту я вспомнил разложенные на столе кипы газетных и журнальных вырезок за много лет. О Максимовой — только с хвалой! Уже с первых шагов талантливой девочки на сцене. Значит, повезло в жизни! Однажды на улице вдруг остановился пожилой человек, внимательно понаблюдая, как преисполненная радости жизни худенькая девчушка прыгает на асфальте, словно хочет взлететь. «Эту девочку обязательно нужно отдать в балет!» — сказал незнакомец. Как знать, может быть, эта встреча и определила Катину судьбу? Но летать совсем непросто. Нужно не только собственное желание. Должен кто-то научиться. Их оказалось немало, кто протянул руку поддержки.

...Известная в прошлом балерина и педагог Е. П. Гердт, учитель ставший потом большим другом, Г. С. Уланова, замечательный художник балета Ю. Н. Григорович, смело доверивший Максимовой ведущие партии, дружеская поддержка М. М. Плисецкой, помощь и советы В. В. Васильева...

Конечно, Максимовой повезло в человеческом участии. Может быть, потому-то и был столь скор и высок ее творческий взлет. В 1957 году на Всесоюзном конкурсе балета — первое место. А ведь еще только ученица балетного училища. Из училища — в Большой театр, да сразу на ведущие роли. Ее имя в афишах «Щелкунчика», «Шопенианы», «Каменного цветка». Гастроли в США — о Максимовой пишут как о восходящей звезде первой величины. Только-только вышла из подросткового возраста — и вдруг такое! Все есть — молодость, красота, талант, известность, популярность... Но быть довольной собой себе не позволяла. Таков характер. Может быть, не только талант, но именно эта черта характера Максимовой и привлекла Уланову. Однажды Галина Сергеевна сказала: «Теперь, Ка-

ты, мы будем работать вместе». Это было не просто удачей — счастьем. В судьбу молодой балерины пришел великий мастер. А это значит, вместе с ним пришел еще более радостный и в то же время еще более тяжелый труд. Поначалу, в самом деле, им двоим было не так-то просто. Казалось Максимовой, что нет никаких успехов в прошлом, что начинает с нуля. В деле Уланова беспощадна и к себе, и к другим. «Работать — так работать». Иначе она не стала бы Улановой.

Наверное, грустно отдавать свои любимые роли. Но ведь если отдаешь самое лучшее тому, в кого веришь, кого с убеждением выбираешь в премьера своего мастерства, значит, встанешь над временем. «Жизель» было первое по-настоящему крупное творческое достижение Максимовой, ее первая работа с Улановой. И вот настал день, когда в программе «Жизели» было напечатано: Максимова. Успех был полный! Трудно сказать, кто больше радовался: ученица или учитель. Их упорный совместный поиск принес победу обоим.

Но Максимова не стала стереотипом, покорным подражателем своей выдающейся наставницы. Уланова рассказывала: «У Кати есть такое, что принадлежит только ей. Она актриса большого диапазона. Ведь почти весь репертуар Большого театра — это и репертуар Максимовой». Было время, когда о ней говорили: «Лирическая танцовщица, прямая наследница Улановой». Оказывается, не столь уж прямая. Вдруг совсем не улановский «Дон-Кихот». Раскрылись новые грани таланта, возможности выступать в разных жанрах.

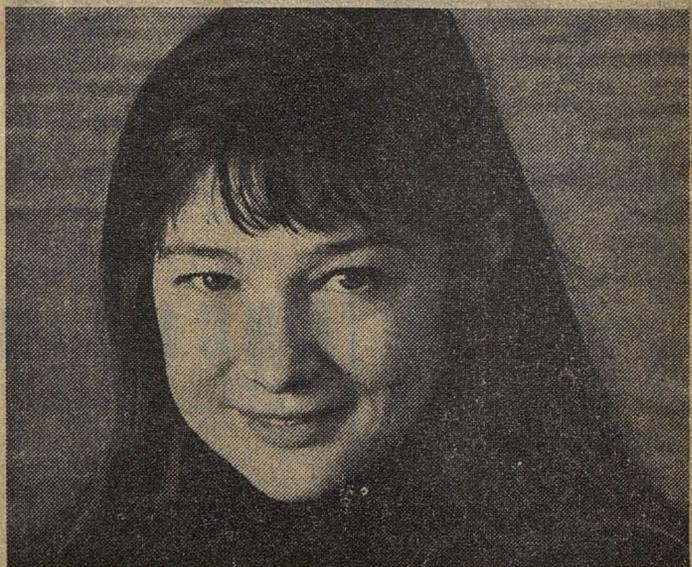
И вот настал день, когда Уланова отдала своей ученице самое сокровенное — Джульетту, ею выстраданный, выверенный в каждом движении спектакль. Долго не решалась. Справится ли? Станет ли на сцене именно такой Джульеттой, чтобы зал замер в изумлении перед величием, чистотой и красотой любви?

В квартире Максимовой и Васильева бережно хранится самый дорогой для этой семьи сувенир: вырезанная из кости сценка встречи Ромео и Джульетты с напутственной надписью Улановой. Она подарена в тот вечер, когда окончилась премьера. Было много поздравлений, много цветов, и допоздна приходили друзья, чтобы порадоваться удаче.

А на другое утро, как всегда, к одиннадцати Максимова пришла в театр. В гримерной размяла туфли молотком, обулась в репетиционный зал — к станку. ...И раз! ...И два! ...Движение руки. ...Движение ноги...

Л. ПОЧИВАЛОВ.

На снимке: народная артистка СССР Е. С. Максимова. Фото В. Ваниторова.

ный зал, где занимается Максимова. Рассказали, что каждый день ровно в одиннадцать утра сюда к станку вместе с другими приходит Екатерина Максимова. Начинается обязательный «класс»: ...И раз, и два... Движение руки. ...Движение ноги... Что бы там ни случилось накануне — спектакль ли трудный, затянувшийся репетиция, семейное торжество, возвращение из дальнего пути, все равно в одиннадцать — класс. Никакой поблажки себе! «Я всегда удивлялась, откуда в этой хрупкой, маленькой женщине такая железная воля к тру-

работе, Максимова призналась: «...Я вот иногда думаю: если бы не слышала тишины леса, не знала бы лесных запахов, сумела бы создать на сцене образы Джульетты или Жизели, Одилины или Маши из «Щелкунчика»?

Друзья Максимовой рассказывали, как однажды веселой гурьбой отправились в щельковские леса по грибы. В условленный час все собрались в одном месте, а Кати нет. Встретились, кричали — не отвечает. Нескоро и отыскали — сидит на опушке, как васнецовская Аленушка, и плачет. А вокруг нее, будто на

ПРАВДА
г. МОСКВА
2 ИЮН 1975